

Катарсис по-польски

«Психоз 4.48» Сары Кейн на фестивале NET

и в Москве 2003-29 ноября с 73

Сара Кейн покончила с собой 20 февраля 1999 года. Она повесилась в психиатрической клинике — до этого была еще одна попытка самоубийства и долгий курс лечения, который ни к чему хорошему не привел. Еще раньше она окончила отделение драматургии Бристольского университета. Пьесу «Психоз 4.48» Сара Кейн написала незадолго до смерти. Польский театр «Розмаитощи» привез ее на фестиваль NET.

Алексей ФИЛИППОВ

«Психоз 4.48» называют пьесой, но к настоящим, написанным в соответствии с канонами жанра текстам он отношения не имеет. Неясно, монолог это или диалог, нет и сюжета: героиня проклинает мир и себя, просит о помощи, исповедует, молит о прощении. Саморазрушение уже произошло, перед нами летопись исчезновения. Вскрик, мольба, картина параноидального бреда — и свет гаснет: дыхание останавливается, умирает человек.

«Психоз 4.48» очень широко идет на Западе. На то есть свои причины, не имеющие отношения к литературным достоинствам текста. Сказаны все слова, испробованы все формы, а здесь театр оборачивается жизнью. Здесь доходит до логического конца идеология отрицания: мир так страшен и плох, что тебе лучше исчезнуть. Сара Кейн не думала об этом, но ее смерть стала частью

«Психоз» Сары Кейн — по версии польского театра «Розмаитощи»

пьесы — история героини «Психоза...» кажется воплощением авторской судьбы.

Спектакль театра «Розмаитощи» шел без перевода. Не было ни синхрона, ни титров, и они, как выяснилось, здесь ни к чему. Сара Кейн разрушила драматургическую форму (к черту аристотелевы единства, к черту катарсис, к черту композицию и конфликт), но на самом деле ее тексту не нужно и слово. Главное в том, что перед тобой корчится невыносимо страдающее существо, а вместо слов героиня спектакля могла бы и мычать. Слово становится звуком, мир разлагается на первоэлементы, спектакль оборачивается пратейатром, шаманским действием, магическим камланием. Суть происходящего переда-

ется поверх слов, за счет электризирующей действие энергии — причина этого в структуре постановки и особых актерских техниках.

Режиссер Гжегож Яжина выстроил помогающую зрителю систему ориентиров. В «Психозе...» появилось подобие сюжета: возникли бойфренд героини и ее подруга (а с ней и лесбийская тема), два апатичных, безразличных ко всему врача и старуха-пациентка психиатрической клиники. От героини требуют любви, а она не может ее дать; героиня просит любви, но ей никто не поможет. Вялый доктор, бормочущий что-то медицинское, и бешеная, откровенная лесбийская сцена; страшная, абсолютно голая старуха, сидящая на больничном унита-зе (дряблое тело, сутулые пле-

чи, отливающий асфальтом кафель), — спектакль строится на острой смене пластических и визуальных акцентов.

Обнаженное человеческое тело становится олицетворением последней — предельной — откровенности и в то же время несет собственную символическую нагрузку. Раздета юная героиня, а рядом с ней — жуткая, морщинистая старушечья плоть: это живо напоминает колесо судьбы (от рождения к зрелости, а затем приходит смерть) на старинных гравюрах.

Но главный секрет спектакля в самой героине (ее играет Магдалена Челецка). В ее умении сконцентрироваться, сжав внутри горе и боль, так что зал почувствует это без слов, и выплеснуть отчаяние в крике, не опустошив себя. В то страдающих, то злых глазах, в чуть угловатой пластике, в мгновенной смене одолевających ее страстей. В том, что невротичку и лесбиянку хочется пожалеть словно ребенка.

В финале нет выходов на аплодисменты, и хлопки, едва вспыхнув, стихают: этот спектакль пытается стать жизнью, перед нами смерть, так чему же тут хлопать? Не станете же вы аплодировать на похоронах. На самом деле произошло обратное — театр взял текст, выхваченный прямо из жизни, и превратил его в произведение искусства. Пьеса Сары Кейн угловата, бесформенна, безнадёжна, ее смысл разрушителен. А спектакль «Розмаитощи» точно и тонко выстроен, хорош актерски и поэтому гармоничен.